

УДК 159.922.4:929:94

Сухарев А.В.

Этнофункциональный анализ личности Петра I в контексте развития русской ментальности конца XVII – начала XVIII вв.

Сухарев Александр Владимирович, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН
E-mail: zavor753@mail.ru

В статье рассматриваются особенности ментальности Петра I, русского общества в целом и властных слоев в частности в эпоху его правления, этнодифференцирующие и этноинтегрирующие изменения в ментальности русского общества, произошедшие в процессе реформ.

Ключевые слова: реформы Петра I, этнофункциональный подход, ментальность русского общества, язычество, русская церковь, эпоха Просвещения.

В историографии начиная с XVIII в. сосуществуют совершенно разные оценки реформ Петра I и самой его личности¹. Однако авторы сходятся в том, что в его эпоху неоспоримым положительным изменением было укрепление военно-политического могущества России, развитие науки и технологий, связанного с усвоением достижений эпохи европейского Просвещения.

Е.В. Тарле отмечал, что еще в допетровском поколении перед «сколько-нибудь прогрессивно и самостоятельно мыслящими людьми» встал «грозный вопрос о возможности дальнейшего сохранения государственной безопасности и даже о национальном самосохранении в широком смысле этого слова, если остаться при рутинном быте, политическом и общественном, при рутинной непримиримо консервативной идеологии, при отказе от сколько-нибудь активной внешней политики»². Военно-политический вызов, брошенный России в начале XVIII в., можно характеризовать целями короля Карла XII: «Русские должны быть наказаны полным уничтожением их государственной самостоятельности, новый шведский герой – Карл XII, столь же христолюбивый, как его предок, войдет в Москву, сгонит Петра с престола, посадит вассалом либо шляхтича Якуба Собесского, либо, если заслужит, – царевича Алексея; Псков и Новгород отойдут, как и весь север России, к Швеции; Украина, Смоленщина и другие западные русские территории – к вассальной, покорной шведам Польше, а остальная Россия будет разделена на удельные княжества, как было встарь, до возвышения Москвы»³. О судьбе русской православной церкви, в частности, говорить уже не приходится.

В связи со сказанным целью настоящей статьи состояла в попытке обобщенного анализа роли преобразований Петра I для развития русской ментальности в XVIII в. и в современной России.

В качестве методологии исследования мы использовали психологический этнофункциональный подход, который рассматривается как современное перспективное в теоретико-методологическом и прикладном отношении направление исследований Института психологии РАН⁴. В данном подходе различные составляющие ментальности (вторичные образы⁵, отношения, ценности и др.), последовательность их возникновения в онтогенезе (для личности) или историогенеза (для общества) наделяются этноинтегрирующей и этнодифференцирующей функцией. В теоретическом плане мы опирались на принципы этнофункциональности, этнофункционального развития и единства микро- и макрокосма, позволяющие использовать результаты эмпирических психологических исследований для анализа макропсихологических⁶ процессов. Этнодифференцирующие составляющие ментальности общества обуславливают возникновение этнофункциональных конфликтов, которые могут разрешаться на уровнях от распада ментальности (низший уровень) до творческого этноинтегриру-

¹ См., напр.: Дашкова Е.Р. Из «Записок» // Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии / Отв. ред. С.И. Николаев. СПб.: Наука, 2006. С. 239–243; Щербатов М.М. Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого // Там же. С. 286–305; Мавродин В.В. Рождение новой России. Л.: ЛГУ, 1988. С. 195, 209.

² Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: Соцэкгиз, 1958. С. 8.

³ Там же. С. 29.

⁴ Журавлев А.Л. Основные направления (программа) развития Института Психологии РАН на ближайший период // Психологический журнал 2008. Т. 29. № 5. С. 5–20.

⁵ Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Институт психологии РАН, 2007.

⁶ Макропсихология современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 30–85.

ющего уровня (высшего), обеспечивающего формирование нового, ранее не бывшего этапа – проектируемого этапа развития. Данный проектируемый этап может формироваться благодаря усилиям исторических личностей, преломляющих в своей ментальности этнофункциональные противоречия (конфликты) конкретной исторической эпохи, подобно описанному Э. Эриксоном феномену М. Лютера¹.

Принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма является основанием для подчиненного ему принципа этнофункционального развития. В философском плане развитие мы понимаем вслед за А.Ф. Лосевым в античном смысле – как возвращение к изначально заданному идеалу². Следующим шагом мы вводим философское понятие идеального естественного прообраза развития (*архегении*), т.е. рассматриваем идеальный прообраз развития аналогично платоновскому эйдосу³ (идеальному прообразу вещи). Понятие архегении предполагает наличие в развитии каждого конкретного образа своего специфического содержания стадий (для личности) или этапов (для общества) развития и определенную последовательность их развертывания. Например, рассматривая этапы развития ментальности русской этносреды, мы выделяем его языческий, христианский этапы, этап просвещения и будущий, проектируемый этап. На основании принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма в развитии ментальности личности аналогично рассматриваются стадии: природная, сказочно-мифологическая (фетишизм, анимизм и героизм, по А.Ф. Лосеву⁴), религиозно-этическая (христианская), стадия просвещения и будущая, проектируемая стадия. В идеале архегении развития этносреды и личности тождественны. Эмпирические исследования показали обусловленность различных показателей психической адаптированности личности (медицинских, педагогических, социальных, демографических и др.) различными искажениями процесса этнофункционального развития: этнодифференцирующими влияниями на различных этапах (стадиях), их выпадение, перемена местами и пр.⁵. Социально-психологические явления, как мы уже показали в ряде исследований, могут осмысливаться с использованием результатов эмпирического исследования личности⁶.

Существенным для настоящего исследования является также представление о *выраженности этнической функции* и *архегеничной направленности*, т.е. направленности личности или общества на идеальный прообраз развития. Наибольшей выраженностью этнической функции в русской этносреде являются образы природы как наиболее ранние в ее историогенезе, затем следуют анимистические представления о природных явлениях и стихиях, далее по уменьшению степени выраженности данной функции следуют христианские этические представления и, наконец, нулевой степенью ее выраженности наделяются научные представления, характерные для эпохи Просвещения.

Направленность на архегению этносреды (архегеничная направленность) определяется как устойчивая иерархия мотивов общественного или индивидуального субъекта, предметом которых является идеальный (трансцендентный) прообраз развития данного общества или личности. Данный прообраз (архегения) может быть воплощен в проектируемом образе будущего, представляющего собой для современного представителя русской этносреды (или русского общества) систему природных, языческих, христианских и научных представлений с единых методологических позиций. Каждый последующий этап исторического развития этносреды в оптимальном случае должен включать в себя представления о предыдущих этапах, объединенных единой системой теоретических взглядов.

Настоящее исследование относится к уровню внепсихологических междисциплинарных исследований⁷, на стыке истории, культурологии и психологии. В связи с этим мы опираемся не только на номотетический подход в анализе эмпирических результатов психологических исследований в клинической, педагогической и др. психологии, но и гуманитарный метод⁸.

Анализ состояния русской ментальности в период, предшествующий эпохе Петра I

Как мы показали ранее⁹, в XVII в. русская ментальность была разделена на четыре взаимно этнодифференцированные и враждебные части – русская дохристианская культура, старообрядчество, никонианство и западноевропейское барокко («плоды эпохи Просвещения»)¹⁰. Вышедшие из кружка «боголюбцев» приверженцы древлего благочерия (сам царь Алексей Михайлович, протопоп Аввакум, патриарх Никон и др.) крайне негативно относились к широкому кругу проявлений русской дохристианской культуры, считавшихся проявлениями язычества: игре на музыкальных инструментах (гусли, рожки и пр.), «сказыванию сказок», пляскам, играм, песням и многому другому¹¹. Существенно, что церковная и светская власть в данном вопросе были вполне единодушны. В то же время, напри-

¹ Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. М.: Медиум, 1996.

² Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977.

³ Платон. Собр. соч. Т. 2. М.: Мысль, 1970. С. 95–157.

⁴ Лосев А.Ф. Античная мифология. М.: Учпедгз, 1957. С. 34–47.

⁵ Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Институт психологии РАН, 2008.

⁶ Сухарев А.В. Этнофункциональный анализ ментальности А.С. Пушкина в историческом развитии России [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. Т. 5. Вып. 1. Часть 1. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-argovt_e-ast5-1-1.2014.21; Он же. Динамика нравственной составляющей в ментальности российского общества XVII века: этнофункциональный анализ // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 110–146.

⁷ Журавлев А.Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психол. журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–94.

⁸ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в науке. М.: МГППУ, 2004; Сурков В.Н. Гносеологические ориентиры в становлении и предметном самоопределении психологического знания. Автореф. дисс. ... к. филос. н. Омск, 2004.

⁹ Сухарев А.В. Россия и Европа: сравнительный этнофункциональный анализ развития ментальности русского и европейского общества в эпоху Возрождения [Электронный ресурс] // Электронное научное издание альманах Пространство и Время. 2013. Т. 3. Вып. 2. Режим доступа: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%203%20Vip%202/rubr6-territoriya-vremeni-st3-suharev-2013.pdf>; Он же. Этнофункциональный анализ нравственного аспекта развития ментальности русского общества с конца X по XVII вв. // Нравственность современного российского общества. Психологический анализ. Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 155–200.

¹⁰ Сухарев А.В. Этнофункциональный анализ нравственного аспекта развития ментальности русского общества...

¹¹ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1, 2. Харьков: Епархиальная типография, 1916.

мер, царь Алексей Михайлович проявлял большой интерес к западноевропейскому театру, манерам, одежде и пр., что отнюдь не приветствовалось церковью, а в целом относился к Западной Европе как к «стране волшебных чудес»¹. Церковные обновленцы и, в первую очередь, сам патриарх Никон ориентировались на греческую церковь и Константинополь, уже более ста лет (с 1453 г.) находившийся под османским владычеством. Реформы Никона копировали новогреческие богословские неоправданные изменения в обрядности, священных текстах и пр. Даже в своем патриаршем облачении и кухне он подражал греческим патриархам и, естественно, преследовал старообрядчество².

Здесь уместно вспомнить слова В.О. Ключевского о том, что заимствование Россией западноевропейских «плодов просвещения» в XV и XVI вв., являлось «общением». А «влияние», как осознанное «превосходство» западноевропейской культуры и заимствование не одних только «житейских удобств», но и «самых основ житейского порядка», началось именно в XVII в.³ Важно подчеркнуть именно психологический смысл данного изменения в русской ментальности. Дело в том, что имевшее место приглашение иностранных мастеров из Италии и Германии, например, в Швецию и Англию было тогда общевропейской нормой⁴. Однако при заимствовании технологических новшеств среди западноевропейских стран имело место именно разумное общение. В ментальности высших слоев русского общества, напротив, по отношению к Западу и Византии имело место влияние, обусловленное наивным, психологически незрелым признанием их авторитета во всем, даже в мелочах. Причины данного положения мы видим в относительном искажении этнофункционального развития русской ментальности, по сравнению с западноевропейской. Вследствие особого взаимодействия церковной, княжеской и золотоордынской власти с XIII века из русской ментальности была существенно вытеснена языческая составляющая, что обусловило определенную ее психологическую незрелость⁵.

Что касается «плодов просвещения», отметим, что в России XVI–XVII вв. не существовало школы – ни как государственного, ни как общественного учреждения⁶. Школы (училища, в которых учили грамоте преимущественно для церковных нужд), судя по постановлению Стоглавого собора (1551 г.), существовали лишь в домонгольский период. А в XV, XVI и XVII вв. в Московской Руси было крайне мало школ. В XVII в. константинопольские иеромонахи, приехавшие в Москву, отмечали, что Россия крайне нуждается в училищах⁷. Возможные причины такого состояния образования мы рассматривали ранее и также связывали их с особым взаимодействием церковной власти (митрополитов-греков), изначально не приветствовавшей распространение образованности на Руси и получавшей, согласно ханским ярлыкам, военно-политическую поддержку в период монгольского завоевания⁸.

В то же время школьное образование в Западной Европе уже было весьма распространено к XII в. При этом в Западной Европе «к концу XV века почти не оставалось городов без школы, ... училища не были редкостью даже в мелких местечках и деревнях»⁹. Мы уже упоминали, что с 70-х гг. XVII в. в России представители церковной власти – как сторонники «древлего благочестия» (старообрядцы), так и сторонники церковных реформ – придерживались крайне негативных взглядов на дохристианские верования, обычаи и др., что подкреплялось соответствующей политикой. В целом светская власть поддерживала в этом духовенство, но западноевропейское барокко, включавшее наследие эпохи Возрождения – как античное, так и других стран и культур – все более проникало в высшие слои русского общества¹⁰.

Феофан Прокопович (1681–1736).
Парсуна. Середина XVIII в.

Политика русского духовенства в середине XVII в. характеризовалась существенным изоляционизмом, направленным против иноконфессиональных, а также западноевропейских влияний в целом. Проблема была, в частности, в том, что технологический прогресс и научное мировоззрение преимущественно могло проникнуть в Россию только благодаря контактам с католической или протестантской Западной Европой. Конструктивную роль в идеологической поддержке петровских реформ сыграл глава «ученой дружины» Петра I, государственный и церковный деятель, ректор Киево-Могилянской академии Феофан Прокопович, которому принадлежали символические слова: «Пусть просвещение волнует век»¹¹. Собственно, этими словами и определяется деятельность Прокоповича, при этом отнюдь не отрицавшего важность религии и оставшегося христианином. Его борьба так же, как и Петра I велась не против Церкви Христа, но против церковных иерархов, стремившихся оказывать влияние на государственную политику и на естественнонаучные взгляды современников, запрещая те или иные научные подходы и открытия. Особенно эти запреты касались «новин», связанных с католическими или протестантскими деятелями науки.

В эпоху, непосредственно предшествующую реформам Петра I, взаимоотношения русского общества с дохристианскими анимизированными образами природных стихий, явлений, процессов (т.е. с «язычеством») тем в большей мере, чем ближе к властным и образованным слоям, были существенно подавленными, что являлось этнодифференцирующим фактором, блокирующим необходимую начальную фазу формирования когнитивного контроля эмоций и чувств¹².

¹ Кутузов Б.П. Церковная «реформа» XVII века. М.: Третий Рим, 2003. С. 204.

² Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Т. 1, 2. М.: Квадрига, 2009.

³ Ключевский В.О. Курс русской истории в 9 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988, с. 241.

⁴ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. М.: Эксмо, 2009. С. 15.

⁵ Сухарев А.В. Этнофункциональный анализ нравственного аспекта развития ментальности русского общества...

⁶ Князьков С. Очерк из истории Петра Великого и его времени. СПб.: Изд. книжного магазина П.В. Луковникова, 1914.

⁷ Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб.: Алетейя, 2004. С. 61, 86.

⁸ Сухарев А.В. Этнофункциональный анализ нравственного аспекта развития ментальности русского общества...

⁹ Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 33, 35

¹⁰ Панченко А.И. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб.: Журнал «Звезда», 2008. С. 161.

¹¹ Ничик В.М. Феофан Прокопович. М.: Мысль, 1977. С. 5.

¹² Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии...

С начала христианизации Руси княжеская власть, в отличие от духовенства, считала музыку, зрелища и другие традиционные проявления язычества вполне допустимыми¹. Долгое время власть безмолвствовала, но, как отмечает Н.М. Гальковский, заметным (в указах, грамотах и пр.) со второй половины XV в. стало преследование скорморохов и других проявлений язычества. В целом к середине XVII в., особенно в связи с движением «боголюбцев», сложилась ситуация, когда проявления язычества стали преследоваться властью еще более жестко. Кроме того, сдерживание духовенством проникновения и распространения идей Просвещения (прежде всего естественнонаучных) препятствовало развитию общества в научно-технологическом отношении. Идеи западноевропейского Просвещения проникали почти исключительно во властные слои населения, а среди простого народа они подвергались церковным преследованиям наравне с «остатками язычества». Сам раскол русской церкви, закрепленный в соборе 1666 – 1667 г., и сопутствующие ему внутривластные события мы рассматриваем как относительно менее мощный, по сравнению с подавлением язычества, но все же дополнительный этнодифференцирующий фактор.

Этнофункциональный анализ развития личности Петра I с раннего детства

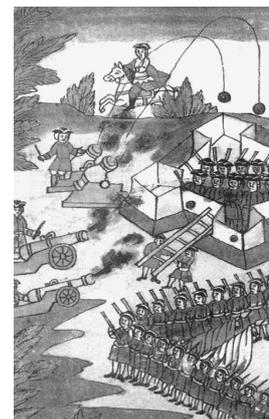
С позиций этнофункционального анализа развития личности Петра I существенно, что он с раннего детства преимущественно проживал в селе Преображенском, где он, по словам М.П. Погодина, «среди полей и рощей, вдали от придворного тунеядства... и закоснелых обычаев... приготовится на царственное делание, по-своему, как на святой Руси никто прежде не думал, не гадал, как во сне никому присниться никогда не могло»². Природа постоянно присутствовала в окружении маленького Петра не только непосредственно. В три года ему специально делали игрушки, описывающие преимущественно жизнь родной природы – расписанные красками деревянные гнезда голубей, ракушек, щеглят, чижей, выводок баранов с «сушей» (настоящей) шерстью и др. Согласно нашим эмпирическим исследованиям, ранние образы природы (до 5 лет) обуславливают высокий адаптационный (энергетический) потенциал личности. Кроме того, у Петра имелось огромное количество специально изготовленных детских военных игрушек: лучек, барабанов, бубнов, топоров, чеканцев, пицалей, пистолей, пушечек, булав³. В возрасте до 5 лет эти образы могут являться условием закрепления личностной предметной тревоги (интереса) по отношению к оружию и военному делу⁴.

Петр I в детстве. Миниатюра. «Большая государева книга или Корень российских государей». 1672

Петр I мальчиком в окружении бояр. Художник П.В. Басин. Конец 1830-х – начало 1840-х гг. Фрагмент

Учения потешных полков Петра I. Миниатюра первой половины XVIII в.

Царь Алексей Михайлович и царица Наталья Кирилловна повсюду брали малолетнего Петра за собой – уже с трех лет он участвовал в торжественных царских выездах на своей маленькой карете с «лошадками крошечной породы»⁵. Все семейство вне заседаний Думы вместе с любимым ребенком смотрели комедии с выписанными немецкими актерами и музыкантами, слушали их игру на трубах и органах. После раннего обеда они посещали вечерние и всенощные службы в церкви, а затем опять получали удовольствие от шутов и актеров (до 5 лет это является условием закрепления интереса к русским языческим и западноевропейским образам). Разнообразие в жизнь царской четы вносили путешествия вместе с сыном по селам и в отдельные богомолья, что также сопровождалось различными удовольствиями⁶.

Детские годы Петра Великого. Иллюстрация к книге Н.Г. Устрялова «История царствования императора Петра Великого» (1858–1868)

¹ Гальковский Н.М. Указ. соч. С. 345.

² Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689. М.: Тип. В.М. Фриш, 1875. С. 16.

³ Там же. С. 10.

⁴ Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии...

⁵ Погодин М.П. Указ. соч. С. 11.

⁶ Там же. С. 12, 13.

Никита Зотов обучает Петра I разным наукам. Миниатюра из «Истории Петра I» П.Н. Крёкишина. Середина XVIII в. Фрагмент

Первое обучение царевича Петра Алексеевича. 1677. Гравюра Елваля. Первая четверть XIX в.

Обучение чтению Петра, писал М.П. Погодин, начали с возраста около 3,5 лет (согласно С. Князькову, обучение грамоте началось с 5 лет¹). Главное из того, что он читал и даже впоследствии многое знал наизусть, были Часослов, Псалтирь, Евангелие. Писать он начал учиться только с 7 лет, т.е., по мнению М.П. Погодина, «поздно», и «писать не мог выучиться порядочно»². В качестве одной из причин этого отмечалось, что он «не имел терпения выводить черты как требовалось по правилам, и слова не успевали у него следовать за мыслями. Почерка его ничто не может быть безобразнее, а правописание было ему совершенно чуждо»³.

В возрасте с 4 до 7 лет Петр особое удовольствие получал от рассматривания картинок – «фряжских потешных листов», раскрашенных потешных книг и тетрадей, в которых были изображены «грады, па-

латы, великие корабли, бои, взятие городов, разные истории в лицах», картинки из русской истории, с «двенадцатью месяцами и богами небесными» и прочими «кунштами», числом более тысячи⁴.

С 10 лет для маленького царя начали устраиваться потешные войска с «ребятками» из детей спальничьих, конюхов, боярских чад и пр. Царица и ее окружение были очень набожны, но молодой Петр вежливо и под разными предлогами стремился избегать посещения служб, богомолий и т.п. У него развился огромный интерес к технике, различным устройствам и практической деятельности. Хотя его мать, ревнительница церковной старины, уговаривала его поменьше знать с иностранцами, Петр активно стремился к ним; но все же приоритетом для него были соотечественники, Россия, ее будущее⁵. Следует отметить, что Петр обладал глубокой личной религиозностью, однако «не терпя невежественного культового суеверия»⁶.

В психологическом плане уже с юности и впоследствии Петра характеризовала энергичность, импульсивность, даже постоянная спешка, боязнь что-то не успеть, куда-то опоздать⁷. А.С. Пушкин так характеризует личность Петра: «Петр был нетерпелив, став главой новых идей, он, может быть, дал слишком крутой оборот огромным колесам государства. В общем презрение ко всему народному включена и народная поэзия... Я роюсь в архивах, там ужасные вещи, действительно много было пролито крови, но уж рок велит варварам проливать ее, и история всего человечества залита кровью... Это может быть неутешительно, но не для меня, так как я имею в виду будущее [курсив наш – А.С.]... Петр был революционер-гигант, но это гений, каких нет»⁸. В целом Пушкин считал Петра I «архирусским» человеком и отмечал, что именно его «нетерпеливость» и буйный характер являются русскими чертами⁹.

В соответствии с результатами наших клинических и других эмпирических исследований¹⁰ этнофункциональные педагогические условия развития Петра I могли обеспечить ему высокий психологический адаптационный потенциал (энергию личности), т.к. данные образы (живая природа, поделки из дерева – гнезда птиц и др.) окружали ребенка скорее всего с возраста не позднее трех лет. Обращает на себя внимание полное отсутствие в литературе о детстве Петра упоминаний о народных и, что существенно, волшебных сказок, связанных с анимистическими (языческими) представлениями о природе. Данный факт может свидетельствовать о выпадении в этнофункциональном развитии его личности сказочно-мифологической стадии, а именно, анимизированных образов природы, обуславливающих начальную фазу формирования когнитивного контроля эмоций и чувств. Причем такие тесно связанные с русской языческой культурой явления, как игра на гусях, гудках, желейках, а также скоморошество и пр. (этноинтегрирующие факторы) постоянно окружали маленького Петра наряду с немецкими актерами, трубами и органами (этнодифференцирующие факторы). Такие условия воспитания, с одной стороны, осложняли прохождение необходимой начальной стадии формирования гармоничного взаимодействия «аффекта и интеллекта», т.е. когнитивного контроля эмоций и чувств. С другой стороны, у ребенка ввиду указанных выше этнофункциональных особенностей развития формировалась предметная тревожность позитивной модальности по отношению к западноевропейскому искусству, историческим представлениям о западноевропейской и русской истории, а также по отношению к науке и технике в целом и военному искусству в частности. Предметная тревожность негативной модальности по отношению к духовенству могла сформироваться у Петра ввиду весьма выраженной

¹ Князьков С. Указ. соч. С. 5.

² Погодин М.П. Указ. соч. С. 17.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Буганов В.И. Петр Великий и его время / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР А.Н. Новосельцев. М.: Наука, 1989. С. 22.

⁶ Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М.: Терра, 1992. С. 323.

⁷ Буганов В.И. Указ. соч. С. 21.

⁸ Цит. по: Мережковский Д.С. Пушкин // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. / Сост. Р.А. Гальцева. М.: Книга, 1990. С. 140.

⁹ Там же.

¹⁰ Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии...

религиозности его матери, с самого юного возраста (не позднее трех лет) прививавшей ребенку привычку к православной регламентации жизни (оптимальный период для воцерковления, по нашим данным, 7–8 лет).

При этом в отличие от многих других детей из властных сословий, воспитывавшихся в сходных условиях, личность Петра I в нравственном отношении характеризовалась архегеничной направленностью на творческое разрешение личностного этнофункционального конфликта в формировании *проектируемого*, будущего этапа развития русского общества.

Этнофункциональное воздействие реформ Петра I на ментальность русского духовенства

Наибольшее сопротивление реформам Петра I оказывало духовенство, которому была в значительной мере присуща ветхозаветная направленность. В целом процесс поглощения церкви государством, начавшийся в XVI в. при царе Алексее Михайловиче, был «как будто остановлен»¹. Однако тенденция к реализации никонианской идеи главенства церкви над государством (ветхозаветный «папоцезаризм») продолжалась и в конце XVII в. Но после собора 1666–1667 гг., когда патриарх Никон был подвергнут опале, высшие церковные иерархи чувствовали себя ущемленными и требовали к себе чести, «равной царской». Среди низшего духовенства царило невежество, а для занятия «иерейского сана» достаточно было читать и писать. Постепенно снижался и нравственный уровень священства².

На данном фоне государство уже давно стремилось лишить церковь привилегий, не оправданных идеей эпохи Просвещения об «общем благе». Внутреннее отношение царя Петра к религии и духовенству может характеризовать, например, его вспышка гнева на патриарха Адриана, когда тот во время приготовления к страшным казням стрельцов поднял чудотворную икону и пошел крестным ходом к месту казни. Царь воскликнул: «К чему эти иконы? Разве твое дело приходить сюда? Убирайся скорей отсюда вон и поставь иконы на место. Быть может, я больше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и делаю богоугодное дело, когда защищаю народ и казню злодеев, против него умышляющих»³.

Целями церковной реформы Петра были: 1) устранение возможности вырасти русскому папе – второму государю (патриарх Никон требовал величать себя «великий государь»); 2) подчинение церкви государственной власти. Петр I издал ряд указов, что существенно ограничивающий самостоятельность духовенства. В частности, в указе 1701 г. говорилось: «Древние монахи сами трудолюбиями своими руками пищу себе промышляли... и многих нищих от рук своих питали, а нынешние монахи не только не питают нищих от трудов своих, но сами чужие труды поедают; начальники их впали в роскошь, а подначальных держат в нужде; из-за вотчин происходят ссоры, убийства и обиды многия»⁴. Фактически в данном вопросе царь Петр стоял на позициях «ереси стригольников» (конец XIV в.), которые придерживались идеи нестяжательства и предъявляли обвинения лишь к нравственной несостоятельности современного им священства⁵. Духовный регламент, подписанный царем, указывал на недопустимость тунеядства в монастырях, т.к. жизнеобеспечение монахов осуществлялось преимущественно крепостными. Указывалось и на необходимость завести «художества», например, столярное дело и пр.; запрещалось только писать всякие «грамотки», чтобы «монашеского безмолвия» не нарушать⁶.

Также регламент ограничивал количество монастырей, внутреннюю их организацию направлял на прагматические цели, предписывал необходимость наличия в них определенной производственной деятельности и предписывал «весьма монахам праздным быти да не попускают настоятели, избирая всегда дело некое»⁷. В духовном регламенте отмечалось, что в пустынножительстве спасались святые Антоний Великий, Макарий Египетский, однако это были мужи «дobre в богословии христианстей обучение и великого рассуждения и искусства, а у нас кто идет в пустыни? – люди «невежливые», а затем, где же в России пустыни?». «Пустыням прямым быть в России холодного ради воздуха невозможно, – говорит регламент, – ибо в Палестине и в пустынях и в прочих теплых странах есть довольно плодов, чем питаться, и тако может (там пустычник) от миру весьма отлучиться: где же без пашни, рыбы, огородов прожить невозможно, что тайно и уединенно быть не может»⁸.

Знаменитый указ Петра I от 1724 г. определял в монастырях учреждение семинарий и госпиталей, а также направлял в монастыри отставных солдат. Согласно данному указу, монашество сохранялось отныне «только для удовольствования им тех, кто прямою совестью оно желают, и для архиерейства, потому что по обычаю, архиереи могут быть только из монахов». «Нынешнее житие монахов, – определяет указ, – точию вид есть и понос от иных законов... понеже бо́льшая часть [монахов – А.С.] тунеядцы суть... прилежат ли [монахи – А.С.] разумению божественных писаний? Всячески нет, а что говорят «молятся», то и все молятся, и сию оговорку отвергает Василий святой. Что же прибыль обществу от сего? Воистину только старая пословица: ни Богу, ни людям, понеже бо́льшая часть бегут от податей и от лености; дабы даром хлеб есть»⁹. Через год царя не стало, и данный указ не успел войти в жизнь со всей полнотой. Однако «из опекаемого детища богомольных царей...монастыри со времен Петра входят в круг государственных учреждений, подлежащих рассмотрению светской власти с точки зрения их надобности и полезности. Первенствующая роль их в обществе, как учителей и наставников жизни кончена»¹⁰.

¹ Никольский М.Н. История русской церкви. М.: ИПЛ, 1983. С. 189.

² Князьков С. Указ. соч. С. 424.

³ Там же. С. 433.

⁴ Там же. С. 436.

⁵ Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М.: АН СССР, 1960. С. 396; Рыбаков Б.А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М.: Наука, 1993. С. 250, 318.

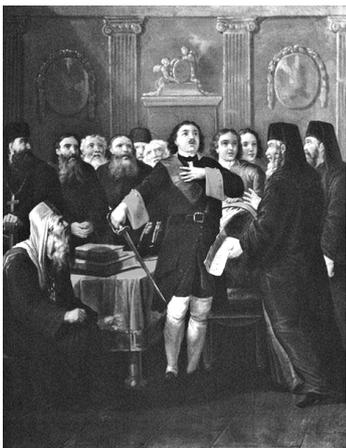
⁶ Князьков С. Указ. соч. С. 459.

⁷ Там же. С. 459.

⁸ Там же.

⁹ Цит. по: Там же. С. 460.

¹⁰ Там же.

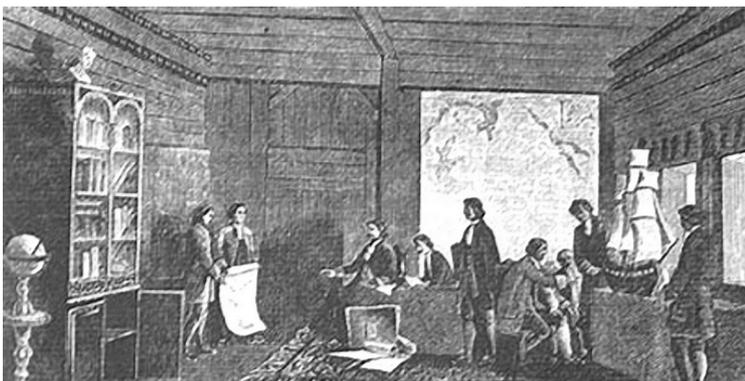
*Петр I и Святейший Синод.
Художник И.Ф. Тупылев. Конец
XVIII – начало XIX вв.*

большую – понеже собор...»⁴. Восточные патриархи так и поняли совершившийся факт установления святейшего синода, что «он есть и называется нашим во Христе братом и имеет право совершать и устанавливать то же, что и четыре апостольских патриарших престола [т.е. утверждается принцип соборности! – А.С.]»⁵.

В отношении явных старообрядцев широко известны факты, свидетельствующие о том, что именно Петр, в отличие от официальных представителей церкви, смог найти с ними общий язык. Царь дал им, вопреки мнению большинства представителей высшего духовенства, саму возможность законного существования, хотя и при двойном налогообложении. Общий язык он находил с ними путем привлечения к «общему делу» – литью пушек и другим работам. Более того, именно поддержка царем жалоб местных властей на чрезмерное и незаконное притеснение старообрядцев со стороны надзирающих за ними церковных иерархов (в основном выходцев из Малороссии) позволила обеспечить им более или менее сносное существование⁶. В данном аспекте царь осуществлял вполне этноинтегрирующую политику.

На наш взгляд, преобразование Петром I организации и регламента русской православной церкви по существу замысла его происходило в духе сочинения мтр. Иллариона «Слово о Законе и Благодати» (XI в.). При изменении «буквы» церковной организации налицо было его стремление к сохранению духа христианской церкви, вполне одобренное не только вселенским (константинопольским) патриархом, но и рядом русских церковных иерархов. Данный факт дает основания рассматривать церковную реформу как этноинтегрирующий фактор. В противоположность реформе царя Петра, реформа патриарха Никона в середине XVII в. меняла только «букву» и имела этнодифференцирующий смысл⁷.

Реформы Петра I в области образования и науки

*Инженерная школа при Петре I.
Гравюра конца XVIII – начала XIX вв.*

Одним из ведущих деятелей, поддерживавших реформу Петра I в образовании, был В.Н. Татищев. Считавший, что главнейшее в жизни есть вера⁸, Татищев отмечал, что в древности в Россию были введены науки, но после нашествия татар власть духовенства возросла, и тогда последнему для приобретения больших доходов и власти «полезнее явилось народ в темноте неведения и суеверия содержать», поэтому училища были оставлены⁹. Есть определенные основания предполагать, что и сами митрополиты, будучи греками, проводили политику Константинополя, не заинтересованного в просвещении русских с момента крещения Руси еще во времена св. Владимира¹⁰.

К началу петровских преобразований

¹ Сухарев А.В. Динамика нравственной составляющей в ментальности российского общества XVII века...; Он же. Этнофункциональный анализ нравственного аспекта развития ментальности русского общества...

² Цит. по: Князьков С. Указ. соч. С. 461.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Зеньковский С.А. Указ. соч.; Пыжиков А.В. Грани русского раскола. М.: Древлехранилище, 2013.

⁷ Сухарев А.В. Динамика нравственной составляющей в ментальности российского общества XVII века...

⁸ Каптерев П.Ф. Указ. соч. С. 172.

⁹ Цит. по: Там же. С. 172.

¹⁰ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М.: Терра, 1993. С. 254, 255.

(конец XVII в.) основные педагогические идеи заимствовались из Ветхого Завета (книги Навина и Сираха) и сочинений Иоанна Златоуста¹. Воспитательный идеал был суровый, ветхозаветный, под страхом наказания. Образование было церковным, воспитательной задачей являлось душеспасительность, а педагогическое сословие отсутствовало².

Главным сподвижником Петра в реформе церкви, образования и науки был автор «Духовного регламента» (1721) Феофан Прокопович, которого защитники старины называли «безбожным ересиархом»³. Прокопович, имевший все же подчеркнуто церковный характер образования, проектировал уже школы трех разрядов: академии, семинарии и элементарные училища⁴. Вследствие мировоззренческих подвижек были организованы и «адмиралтейские русские» и «цифирные» школы, а главное – в России возникла школа как учреждение, нужное государству, отвечающее идее общего блага⁵.

С позиций этнофункционального анализа реформа Петра I в области образования и науки осуществлялась в процессе подготовки условий (снятие «пресса» в отношении язычества, ограничение ветхозаветных тенденций в церкви) для внедрения научного мировоззрения – взглядов, выраженность этнической функции которых равна нулю. Противодействовали внедрению научного мировоззрения этнодифференцирующие тенденции, сложившиеся к концу XVII в. в ментальности русского духовенства – к папоцезаризму, субботству (ветхозаветная ориентация), латинизации вследствие раскола и т.п. Как мы уже отмечали, этнодифференцирующим фактором в ментальности высшего духовенства было и имевшее место с конца XIII в. подавление русской дохристианской культуры – язычества⁶.

Природно-языческий аспект русской ментальности в процессе петровских реформ

Изменения в отношении к дохристианской русской ментальности были осуществлены повсеместно, где церковь не оказывала прямого противодействия. Для западноевропейского языка русская ментальность стала более открытой, т.к. язычество это с необходимостью сопутствовало античной философии, западноевропейской моде, «реалистичной» манере иконописи и т.п. Что касается русского язычества, то официально оно во всех своих проявлениях (музыка, скоморохи, танцы, глумотворцы, игры, пиво, меды и другие атрибуты) было совершенно предоставлено самому себе наряду с западноевропейским театром, «кунштами», актерами, органом и пр. В существенной мере потеряло государственную поддержку и преследование проявлений русского язычества церковью. Однако преследовать язычество западноевропейское, в отличие от подавления сохранившихся отпавлений культа предков в русской деревне, церковь могла уже в гораздо меньшей степени – в этом и сохранялась определенная двойственность ее политики. Указ Петра I 1702 г. провозглашал веротерпимость одним из главных государственных принципов. Этот указ был действительно применен, но только в отношении религии иностранцев⁷. К старообрядцам и язычникам, еще сохранившим остатки культа⁸, Петр был в целом равнодушен, поэтому они оставались в юрисдикции церковных властей, которых по мере нарастания жалоб о жестокостях преследований со стороны государственных чиновников он лишь время от времени корректировал.

Дохристианский анимистические представления, наряду с образами природы (фетишизм), обладающий наиболее выраженной этнической функцией, по сравнению с любыми другими образами, обуславливает мощный адаптационный потенциал (энергию) общества, так же как и личности. Данные языческие представления являются существенно этноинтегрирующими, поэтому именно в резком ослаблении подавления церковью дохристианской ментальности в начале XVIII в. мы видим энергетический источник того исторического «прыжка», который совершило русское общество вследствие реформ Петра I. Регулятивную функцию по отношению к применению высвободившегося потенциала играло оптимизированное «ученой дружиной» православное мировоззрение (отход от «субботства»), а инструментальную – преимущественно научное мировоззрение эпохи Просвещения.

Заключение

В результате ослабления подавления со стороны духовенства «остатков русского язычества» преобразования Петра I в ментальности русского общества высвободили ее скрытый адаптационный потенциал. Была осуществлена этноинтеграция ментальности русской православной церкви, узаконено само существование старообрядчества, преодолены тенденции к папоцезаризму и последствия раскола церкви созданием святейшего

Празднование членами Всешутейишего собора свадьбы князь-папы Н. Зотова. Лубок. Источник: Майков В.В. Поступки и забавы Императора Петра Великого. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1895. С. 13

¹ Каптерев П.Ф. Указ. соч. С. 126.

² Там же.

³ Там же. С. 154–155.

⁴ Ничик В.М. Указ. соч.

⁵ Князьков С. Указ. соч. С. 490.

⁶ Прозоров А.Р. Язычники крещеной Руси. М.: Эксмо, 2006; Фроянов И.Я. Загадка крещения Руси. М.: Алгоритм, 2007. С. 221–222; Сухарев А.В. Этнофункциональный анализ нравственного аспекта развития ментальности русского общества...

⁷ Зеньковский С.А. Указ. соч. С. 237.

⁸ Прозоров А.Р. Указ. соч.

синода, по замыслу Петра – соборного органа, одобренного вселенским (константинопольским) патриархом. Царь был человеком глубоко верующим, а цели оптимизации Петром I русской православной ментальности можно охарактеризовать словами Фомы Аквинского: «...необходимо, чтобы философские дисциплины, которые получают свое знание лот разума, были дополнены наукой, священной и основанной на Откровении¹».

Этноинтеграция русской православной церкви, в свою очередь, обеспечило более цельную и дифференцированную канализацию энергии, высвободившейся вследствие обращения к архаическим слоям ментальности² (природно-языческому слою). Получившая выход и нравственно организованная «оптимизированным» православием энергия обеспечила усвоение и использование русской ментальностью этнофункционально нейтрального научно-технологического западноевропейского инструментария (военно-политическое строительство, просвещение, технологии и пр.), без овладения которым Россия стала бы, скорее всего, чем-то вроде шведской провинции.

Вследствие этнофункционально обусловленных искажений развития русской ментальности сознание властных и образованных слоев русского общества недостаточно четко дифференцировало отличия сущности научно-технологического содержания достижений эпохи Просвещения от его внешних атрибутов: немецких камзолов, наличия париков, курения табака, отсутствия бород и длинных рукавов, а также от часто неоправданного и повсеместного введения немецкой и другой западноевропейской лексики. Россия, совершив огромный научно-технологический и военно-политический скачок, после кончины Петра I в 1725 г. вступила в эпоху незрелого подражательства исторически пройденным российским и западноевропейским этнодифференцирующим образцам.

Дальнейшее развитие русской ментальности, по нашему мнению, должно осуществляться в направлении всесторонней интеграции содержания всех этапов ее развития, как это в XVIII в. начал осуществлять Петр Великий, а в XIX в. продолжил гений Пушкина. Именно такой путь позволит русской ментальности, помимо познания Бога на основе божественного Откровения, усвоенного из византийской традиции, полноценно освоить присущую западноевропейской традиции и сформулированного Фомой Аквинским вторую сторону познания, которая, исходя из первенства веры, основывается на идее изначального согласия двух способов познания — посредством божественного Откровения и познания человеческим разумом³.

ЛИТЕРАТУРА

- Бандуровский К.В. Фома Аквинский // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. Т. IV. М., Мысль, 2010. С. 259–261.
- Буганов В.И. Петр Великий и его время / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР А.Н. Новосельцев. М.: Наука, 1989.
- Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1, 2. Харьков: Епархиальная типография, 1916.
- Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Институт психологии РАН, 2007.
- Дашкова Е.Р. Из «Записок» // Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии / Отв. ред. С.И. Николаев. СПб.: Наука, 2006. С. 239–243.
- Журавлев А.Л. Основные направления (программа) развития Института Психологии РАН на ближайший период // Психологический журнал 2008. Т. 29. № 5. С. 5–20.
- Журавлев А.Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психол. журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–94.
- Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Т. 1, 2. М.: Квадрига, 2009.
- Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. М.: Эксмо, 2009.
- Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб.: Алетейя, 2004.
- Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви: В 2 т. М.: Терра, 1992–1993.
- Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М.: АН СССР, 1960.
- Ключевский В.О. Курс русской истории: В 9 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
- Князьков С. Очерк из истории Петра Великого и его времени. СПб.: Изд. книжного магазина П.В. Луковникова, 1914.
- Кутузов Б.П. Церковная «реформа» XVII века. М.: Третий Рим, 2003.
- Лосев А.Ф. Античная мифология. М.: Учпедгз, 1957.
- Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977.
- Мавродин В.В. Рождение новой России. Л.: ЛГУ, 1988.
- Майков В.В. Поступки и забавы Императора Петра Великого. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1895.
- Макропсихология современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2009.
- Мережковский Д.С. Пушкин // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. / Сост. Р.А. Гальцева. М.: Книга, 1990. С. 92–160.
- Мильков В.В. Осмысление истории в древней Руси. СПб.: Алетейя, 2000.
- Никольский М.Н. История русской церкви. М.: ИПЛ, 1983.
- Ничик В.М. Феофан Прокопович. М.: Мысль, 1977.
- Панченко А.И. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб.: Журнал «Звезда», 2008.
- Паульсен Ф. Исторический очерк развития образования в Германии. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908.
- Платон. Собр. соч. Т. 2. М.: Мысль, 1970.
- Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689. М.: Тип. В.М. Фриш, 1875.
- Прозоров А.Р. Язычники крещеной Руси. М.: Эксмо, 2006.
- Пыжиков А.В. Грани русского раскола. М.: Древлехранилище, 2013.
- Рыбаков Б.А. Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия. М.: Наука, 1993.

¹ Цит по: Фома Аквинский. Сочинения / Сост. и пер. с лат. А.В. Аполлонова М.: Едиториал УРСС, 2011. С. IX.

² Мильков В.В. Осмысление истории в древней Руси. СПб.: Алетейя, 2000; Хачатурян В.М. Феномен архаизации в культурной динамике. Автореф. дисс. ... д. культурологии, М.: ГАСК, 2012.

³ Хегглюнд Б. История теологии / Пер. на рус. яз. Володин В.Ю. СПб.: Светоч, 2001. С. 150, 151; Бандуровский К.В. Фома Аквинский // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. Т. IV. М., Мысль, 2010. С. 259–261.

32. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Естественнаучная и гуманитарная парадигмы в науке. М.: МГППУ, 2004.
33. Сурков В.Н. Гносеологические ориентиры в становлении и предметном самоопределении психологического знания. Автореф. дисс. ... к.филос.н. Омск, 2004.
34. Сухарев А.В. Динамика нравственной составляющей в ментальности российского общества XVII века: этнофункциональный анализ // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2011. С. 110–146.
35. Сухарев А.В. Россия и Европа: сравнительный этнофункциональный анализ развития ментальности русского и европейского общества в эпоху Возрождения [Электронный ресурс] // Электронное научное издание альманах Пространство и Время. 2013. Т. 3. Вып. 2. Режим доступа: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Том%203%20Vip%202/tubr6-territoriya-vremeni-st3-suharevv-2013.pdf>.
36. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Институт психологии РАН, 2008.
37. Сухарев А.В. Этнофункциональный анализ ментальности А.С. Пушкина в историческом развитии России [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. Т. 5. Вып. 1. Часть 1. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_e-ast5-1-1.2014.21.
38. Сухарев А.В. Этнофункциональный анализ нравственного аспекта развития ментальности русского общества с конца X по XVII вв. // Нравственность современного российского общества. Психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 155–200.
39. Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: Соцэкгиз, 1958.
40. Фома Аквинский. Сочинения / Сост. и пер. с лат. А.В. Аполлонова М.: Едиториал УРСС, 2011.
41. Фроянов И.Я. Загадка крещения Руси. М.: Алгоритм, 2007. С. 221–222.
42. Хачатурян В.М. Феномен архаизации в культурной динамике. Автореф. дисс. ... д. культурологии, М.: ГАСК, 2012.
43. Хегтлунд Б. История теологии / Пер. на рус. яз. Володин В.Ю. СПб.: Светоч, 2001.
44. Щербатов М.М. Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого // Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии / Отв. ред. С.И. Николаев. СПб.: Наука, 2006. С. 286–305.
45. Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. М.: Медиум, 1996.
46. Collis R. *The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725*. Leidtn: Brill, 2011.
47. Cracraft J. *The Church Reform of Peter the Great*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1971.
48. Cracraft J. *The Petrine Revolution in Russian Culture*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.
49. Garrard J. G., ed. *The Eighteenth Century in Russia*. Oxford: Clarendon Press, 1973.
50. Hughes L. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.
51. Levin E. "Muscovy and Its Mythologies: Pre-Petrine History in the Past Decade." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 12.4 (2011): 773–788.
52. Massie R.K. *Peter the Great: His Life and World*. New York: Random House LLC, 2012.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Сухарев, А. В. Этнофункциональный анализ личности Петра I в контексте развития русской ментальности конца XVII — начала XVIII вв. / А.В. Сухарев // Пространство и Время. — 2014. — № 4(18). — С. 134—143. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st4-18.2014.63

Пётр I водружает крест на месте погребения воинов, павших в Полтавском бою. Гравюра XIX в.